

4 **Смолич, И. К.** История Русской Церкви. 1700–1917 / И. К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. VIII. Ч. 1. – 800 с.

5 **Платонов, С. Ф.** Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – М. : Высш. шк., 1993. – 736 с.

6 **Карташев, А. В.** Очерки по истории Русской Церкви / А. В. Карташев. – М. : Терра, 1992. – Т. 2. – 562 с.

7 **Федоров, В. А.** Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В. А. Федоров. – М. : Русская Панорама, 2003. – 480 с.

8 **Пыпин, А. Н.** Религиозные движения при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб. : Академический Проект, 2000. – 472 с.

УДК 27-67:27-727

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К НЕХРИСТИАНСКИМ РЕЛИГИЯМ

А. П. ЕЛОПОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В последние годы РПЦ (Русская православная церковь, другое название – Московский Патриархат) стремится преодолеть инерционную модель развития, характерную для советского периода, чтобы гибко и с упреждением отвечать на вызовы новой эпохи. Она выходит из прежде привычного режима ситуационного реагирования, при котором проблемы решались без плана и системы, в узких рамках неблагоприятной исторической конъюнктуры. Принят уже целый ряд программных общецерковных документов, свидетельствующих о том, что Московская Патриархия (руководящий центр РПЦ) осваивает искусство стратегического мышления и строит свою текущую деятельность с опорой на четко выверенные принципы. В числе подобных текстов можно назвать «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» и «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» (2000 г.), «Концепцию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (2007 г.) и «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.), а также некоторые другие.

На фоне такого впечатляющего концептуального прорыва кажется неоправданно затянувшимся молчание еще по одному вопросу, имеющему исключительную важность в современных условиях. До сих пор не принят и даже не заявлен на соборное обсуждение документ, который излагал бы фундаментальный подход Православной церкви к проблематике межрелигиозных отношений. Известно, что в 2005 г. Священный Синод создал рабочую группу под руководством митрополита Смоленского и

Калининградского Кирилла (Гундяева), в то время председателя ОВЦС (Отдела внешних церковных связей), для подготовки этого документа [1]. Но единственным заметным результатом ее деятельности стала публикация в 2008 г. «Церковным вестником» статьи «О православном взгляде на нехристианские религии», написанной тремя членами группы (протоиереем Всеволодом Чаплиным, Юрием Максимовым, Дмитрием Сафоновым). По форме и содержанию статья напоминала конспект соответствующего соборного определения, но последнее не появилось и после того, как владыка Кирилл в 2009 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси.

Между тем РКЦ (Римско-католическая церковь) еще в 1965 г. на своем II Ватиканском Соборе огласила «Декларацию об отношении Церкви к нехристианским религиям». В настоящем исследовании мы постараемся объяснить, чем вызвана задержка с принятием подобного документа в РПЦ. Но прежде назовем основные причины, которые делают его разработку насущной необходимостью для Московского Патриархата.

Первая из них вызрела в ходе глобализационных и аккультурационных процессов, вовлекающих в себя вместе со всем человечеством и православных христиан. Им всё чаще приходится соприкасаться с проявлениями нехристианской религиозности, причем не только в странах дальнего зарубежья, но и непосредственно на канонической территории РПЦ, прямо в «Доме Пресвятой Богородицы». Православная церковь вынуждена отразить свою реакцию на изменения конфессионального ландшафта и заново определить ту меру отчуждения или приязни, с которой ее паства будет подходить к умножающемуся вокруг иноверию. Это важно, прежде всего, с точки зрения евангелизации мира – той конечной цели, от которой церковь, называемая Христовой, не имеет права отступить.

Вторая причина вытекает из общей установки РПЦ на поддержание гражданского мира в странах своего пребывания. Московский Патриархат позиционирует себя в качестве консолидирующей силы постсоветского общества и не может не считаться с тем фактом, что светские люди страшатся религиозной розни, а идейные противники отслеживают каждое его неверное движение на конфессиональном поле. Декларация православного отношения к нехристианским религиям при соответствующем, тщательно продуманном содержании могла бы опровергнуть расхожее мнение о том, что «духовенство РПЦ в принципе не признает право на существование идеи “свободы совести” и религиозной толерантности» [2, с. 418].

Третья причина, побуждающая Православную церковь прояснить свою принципиальную позицию относительно иноверия, связана с необходимостью ответить на вызов воинствующего секуляризма – такой

идеологии и практики, которая стремится изгнать религию из общественной сферы на задворки человеческого бытия. Именно «воинствующий секуляризм заявляет о себе как о единственно легитимной мировоззренческой системе, на основе которой должен строиться новый мировой порядок – как в Европе, так и за ее пределами» [3, с. 257]. Как писал еще в 2004 г. Иларион (Алфеев), тогда епископ Венский и Австрийский, а с 2009 г. митрополит Волоколамский и одновременно глава Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, идет «под громкие крики о защите прав и свобод граждан. При этом, однако, под вопрос ставится основное право человека – открыто исповедовать веру в Бога; под угрозой оказывается право человеческого сообщества строить свою жизнь на основе религиозного мировоззрения» [3, с. 258]. Заметим, что в последней фразе владыка Иларион выражает заботу не о специально христианском, а о религиозном мировоззрении вообще. Таким образом, естественными союзниками православия в борьбе с либеральной «диктатурой греха» оказываются все более или менее традиционные религии, от которых РПЦ четко отделяет НРД (новые религиозные движения), обычно квалифицируя их как псевдо-религиозные секты, уродливое порождение наступающего безбожия.

Московская Патриархия делает отсюда практические выводы. Так, в 1998 г. РПЦ инициировала создание Межрелигиозного Совета России, представляющего четыре традиционные для РФ конфессии: православие, ислам, иудаизм и буддизм. В июле 2006 г. по приглашению этой организации в Москве проходил Всемирный саммит религиозных лидеров, который обратился к главам «Большой восьмерки» со специальным посланием. В нем было заявлено: «Мы требуем прекратить любое оскорбление религиозных чувств и осквернение священных для верующего человека текстов, символов, имен и мест» [4, с. 34–36]. Следует заметить, что, подписавшись под этим призывом к религиозной толерантности, руководство РПЦ фактически дезавуировало опыт тех православных христиан, в т. ч. канонизированных, которые в течение многих веков и словом, и делом посягали на религиозные убеждения и святыни язычников, иудеев и мусульман (например, святитель Иоанн Златоуст называл синагогу «жилищем демонов», а святитель Стефан Пермский разорял языческие капища). В марте 2007 г. на семинаре ЮНЕСКО в Париже митрополит Кирилл (Гундяев) предложил создать при ООН специальную ассамблею из представителей ведущих религий мира, где выносилась бы оценка международным процессам и событиям с точки зрения традиционной морали [6]. Очевидно, что под свое сотрудничество с нехристианскими религиями Московская Патриархия должна подвести принципиальную основу, чтобы иметь уверенность и в его устойчивой позитивной динамике, и в его согласии с преданием церкви.

РКЦ (Римско-католическая церковь), принимая Декларацию 1965 г., решала те же проблемы и преследовала схожие цели. В чем состояла суть выбранного тогда курса? Отцы II Ватиканского собора констатировали частичную истинность нехристианских религий, истинность, которая нуждается в восполнении Евангелием, но уже сейчас заслуживает уважения. Собор призвал верующих к тому, чтобы они, общаясь с нехристианами и «свидетельствуя о вере и христианской жизни, вместе с тем признавали, охраняли и продвигали находящиеся у тех духовные, нравственные и культурные ценности» [7, с. 432]. Хотя религиозное разделение человечества и продолжало рассматриваться как нарушение Божественной нормы человеческой жизни, но дискурс об этом утратил привычный для прошлых столетий трагический и тем более обличительный пафос. «Факт наличия разных религий оказывается следствием того обстоятельства, что предназначенное к единству человечество по-разному переживает опыт земного бытия, чей смысл неведом», – пишет католический богослов Х. Бюркле [8, с. 66]. Выражая официальную позицию своей церкви, он предлагает видеть в других религиях не столько препятствие на пути христианизации мира, сколько бессознательное движение ко Христу. На этом тезисе строится тот диалог религий, который после II Ватикана активно развивался РКЦ.

Может ли РПЦ воспроизвести этот ход католической мысли? Теоретически да, поскольку соответствующая ему библейская и патристическая аргументация уже используется православными богословами. Например, Алексей Осипов, весьма консервативный профессор Московской духовной академии РПЦ и член уже упоминавшейся рабочей группы по межрелигиозным отношениям, оценивая язычество, приводит те же цитаты, что и католик Х. Бюркле. Для него «является неоспоримым, что в язычестве всегда были люди, которые “искали Бога, не ощущают ли Его и не найдут ли” (Деян. 17, 27). <...> Ибо, как писал св. Иустин Философ, “у всех есть семена Истины”» [9, с. 295]. Немаловажен и тот факт, что Православная церковь, как и Католическая, накопила богатый опыт «миссионерской приветливости» и распознавания доброго в жизни нехристиан (яркий пример – деятельность святого равноапостольного Николая (Касаткина), основателя Японской церкви).

И всё же представляется маловероятным, чтобы РПЦ официально повторила основные положения католической Декларации о нехристианских религиях. Мы можем утверждать это хотя бы потому, что со времен II Ватиканского собора история ушла более чем на 40 лет вперед, и православные христиане могли извлечь из нее определенные уроки. По мнению многих православных аналитиков, II Ватикан содействовал дезинтеграции и секуляризации Католической Церкви, почти все его

решения, в т. ч. по межрелигиозному диалогу, выглядят скомпрометированными [10].

В самой РКЦ «Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям» изначально вызвала растерянность и возмущение среди традиционалистов. Можно сослаться на мнение участника и главного критика II Ватиканского собора архиепископа Марселя Лефевра (1905–1991). Будучи успешным миссионером и заслуженно прозванный «апостолом Африки», он посчитал Декларацию изменой миссионерскому предназначению Церкви и приглашением к религиозному синкретизму. «То есть как? Я должен уважать полигамию и аморальность Ислама? Индуистское идолопоклонство? <...> Никогда такого рода идеи не совпадали с духом Церкви. <...> Наш Господь послал апостолов не вести диалог, но проповедовать!» [11, с. 246, 251].

Что касается Русской православной церкви, то в сравнении с Римско-католической она всегда отличалась более высоким уровнем консерватизма и страха утратить что-либо из «сокровища святоотеческой веры» и «богозаповеданных традиций». Сказанное в полной мере относится к РПЦ постсоветского периода. Обратившись к внутрицерковным дискуссиям последних 20 лет, мы увидим, какое, например, негодование вызывает у значительной части духовенства и активных мирян предложение допустить в богослужебную практику современные литературные языки – русский, белорусский, украинский. Но вопрос о православном отношении к нехристианским религиям имеет еще более принципиальное значение, он затрагивает самые глубины церковного самосознания. Можно вспомнить, что уже «Основные принципы отношения РПЦ к инославью» – документ, признающий, что жизнь католиков и протестантов проходит не без Божией благодати, – встретил определенное несогласие среди верующих. Критиковавший его непосредственно на Архиерейском соборе епископ (а ныне – митрополит) Владивостокский и Приморский Вениамин (Пушкарь) с возмущением говорил, что в нем «не сделано главного: еретики не названы еретиками, вероотступники не названы вероотступниками, и это создает базу для продолжения... духовной агрессии против России...» [12, с. 164]. Тем более спровоцирует возмущение текст, который повторит ту католическую точку зрения, что через нехристианские религии светит луч Истины и, более конкретно, что иудаизм остается спасительной религией богоизбранного народа.

Следует отметить, что в РПЦ еще в 1990-е гг. стал усиливаться фундаментализм – движение за пересмотр результатов секуляризационного процесса последних двух столетий, за то, чтобы подчинить идеалу Святой Руси и государственную политику, и светское общество на территории бывшего СССР. Организованные фундаменталисты кажутся относительно малочисленными, но они способны транслировать свои идеи на широкую

церковную аудиторию и заставляют с ними считаться епископат. Один из популярных фундаменталистских лозунгов – «Вне Церкви только бесовщина» – априори предполагает отрицательное отношение к нехристианским религиям. Крайние фундаменталисты критикуют Московскую Патриархию за расширение контактов с иноверцами, квалифицируя это как «еретическое учение экуменизма, стремящееся вопреки словам Священного Писания, церковных канонов и правил, святоотеческого учения объединить все веры в одну религию или, по крайней мере, «духовно» их примирить» [13]. Прочитанные выше строки взяты из скандального обращения епископа Анадырского и Чукотского Диомида (Дзюбана), всколыхнувшего в 2007 г. всю РПЦ. Соборно принятое определение о нехристианских религиях должно было бы, помимо прочего, внести окончательную ясность в отношения церковного руководства и православных радикалов, таким образом, чтобы либо подтвердить роль последних в качестве блюстителей доктринальной чистоты, либо, что более вероятно при Патриархе Кирилле, подтолкнуть их к выходу из Московского Патриархата.

Итак, в настоящее время РПЦ и нуждается в авторитетном документе, который бы выражал принципиальную позицию Московского Патриархата относительно иноверия, и испытывает серьезные затруднения в его принятии. Слишком противоречивые требования заранее предъявляют к нему все заинтересованные стороны. Если такой документ всё же удастся выработать, то, скорее всего, он будет значительно отличаться от католической Декларации 1965 г. Об этом можно судить по тем православным источникам, на основании которых уже сейчас верующие формируют свои оценки нехристианской религиозности.

Нами был проанализирован большой массив церковных публикаций на соответствующую тему. Приоритет отдавался известным авторам, представляющим патриархийный мейнстрим (А. Осипову, Ю. Максиму, протодиакону Андрею Кураеву, протоиерею Максиму Козлову и т. д.), и популярным православным СМИ, печатным и электронным (журналу «Православная беседа», газете и радио «Радонеж», интернет-порталу «Православие.ru», информационно-аналитической службе «Русская народная линия» и т. п.). Рассматривались и многочисленные книги по сравнительному религиоведению, которые издает Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея (Москва). Но что касается последней группы литературных источников, то она пользуется в РПЦ репутацией модернистской, является недоступной и неавторитетной для основной массы верующих. В меньшей степени, но такой характеристики заслуживают и лекции по истории религии, которые читает в Российском православном институте св. Иоанна Богослова профессор Андрей Зубов.

Общий взгляд выбранных нами авторов на нехристианские религии достаточно пессимистичен. Хотя в этих религиях и можно найти крупинцы изначального богопознания и положительные нравственные ценности, в конечном счете они представляют не столько искание Бога, как согласились считать современные католики, сколько уход от Него, «прогресс» в области греха. Так, для влиятельного члена Синодальной богословской комиссии и широко растиражированного публициста о. Максима Козлова является неслучайным тот факт, «что как только эти религии входили в соприкосновение с христианством, то всё относительно возвышенное и истинное, что в них было, опускалось куда-то глубоко на дно и обнажалась откровенная стихия демонической злобы, неприятия, борьбы с благовестием Христовым, с той абсолютной истиной, которая в полноте своей раскрывается только в Церкви» [14].

Нехристианские религии сами по себе не спасительны. Безусловно, «православные христиане с любовью относятся к каждому человеку, желают ему спасения в истинной вере и не теряют надежды на милосердие Божие ко всем людям, живым или умершим, – пишут о. Всеволод Чаплин, Ю. Максимов и Д. Сафонов. – Однако при этом для нас непреложны слова Спасителя об участи тех, кто сознательно не желает принять Его благую весть: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мр. 16, 16) [15]. А. Осипов и митрополит Иларион (Алфеев) развивают интересную концепцию о том, что люди, которые по объективным причинам не смогли узнать и принять христианство во время земной жизни, имеют шанс сделать это после смерти, «так как и в аду слышна проповедь Евангелия» [16, с. 266]. Впрочем, эта точка зрения не имеет широкого признания, а для фундаменталистов она вообще является ересью.

Если обратиться к конкретной характеристике важнейших мировых религий, то в качестве полной противоположности христианству православные богословы обычно называют индуизм и буддизм. Первый из них, утверждающий субстанциональную божественность человека (тождество Атмана и Брахмана), определяется как религия ненасытной человеческой гордыни, так что «самый страшный грех для христианина есть самое высшее осуществление добра для индуиста [17, с. 273]». Учение о сансаре (реинкарнации), которое проповедуют и индуизм, и буддизм, православные рассматривают как религиозно-философскую основу для мироотрицания и оправдания нравственного зла. Путь спасения, указанный Буддой, представляется направленным на духовное самоубийство человека. Протодиакон Андрей Кураев, самый знаменитый миссионер и писатель современной РПЦ утверждает непримиримую оппозицию: «Цель Будды – загасить огонь жизни; цель Христа – поддержать» [18, с. 437]. После всего сказанного уже не кажутся чрезмерными часто цитируемые слова еще

дореволюционного философа Н. Трубецкого: «... с христианской точки зрения, Индия есть самая прочная цитадель сатаны» [19, с. 374].

В случае с иудаизмом РПЦ продолжает придерживаться т. н. вытеснительного богословия, ставшего непопулярным среди католиков и протестантов, т. е. православные богословы настаивают на том, что с момента распятия Иисуса Христа Израиль в целом утратил богоизбранность, которая стала привилегией и служением христиан. Именно христианство является законным наследником ветхозаветной Церкви, а претендующий на эту роль талмудический иудаизм представляет собой еврейскую «религию самообожествления», из которой «ушли Пророки и ушла благодать Божия» [20, с. 167–168]. В сочинениях православных историков и публицистов повторяется мысль о косвенной или прямой ответственности иудаизма за погром христианской цивилизации России (например, см. [21]). В свете сказанного понятно, почему заявление Патриарха Алексия II о духовном единстве иудеев и христиан, сделанное на встрече с раввинами в 1991 г. [22], вызвало в РПЦ скандал и даже кризис власти, последствия которого не изжиты до сих пор (критику покойного Патриарха, например, см. [23]). Понятна и причина, по которой РПЦ приходится часто отвечать на обвинения в антисемитизме [24].

Долгое время православные авторы избегали прямой критики ислама, второй по значимости религии на постсоветском пространстве. Но на рубеже нашего столетия в РПЦ стали бить тревогу по поводу мусульманского прозелитизма в традиционно православных регионах. К православным пришло осознание того, что отныне «мусульманская антихристианская пропаганда должна встречать не молчание, а блестящую апологетику» [25, с. 226]. Сразу выяснилось, что полемика с исламом имеет в православном богословии давнюю и богатую традицию. На новом этапе она наиболее ярко воплотилась в деятельности миссионерского сайта «Православие и Ислам», а также в книгах и статьях его многолетнего редактора Ю. Максимова. Этот популярный автор доказывает, со ссылками на Святых Отцов, что ислам и христианство исповедуют совсем разный, в принципе не совместимый монотеизм, ведь «объявлять Бога источником зла, как делают мусульмане, с точки зрения христианства, богохульство» [26, с. 114]. Церковные СМИ теперь регулярно подают информацию о росте мусульманского присутствия в западных странах и о случаях дискриминации христиан на мусульманском Востоке. И не даром такой резонанс в православной среде вызвал недавний роман-антиутопия Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», который рисует апокалиптический образ Западной Европы, оккупированной мусульманскими радикалами.

Подведем итог. Нам приходится констатировать значительный разрыв между официальной политикой Московской Патриархии, которая сейчас нацелена на активное сотрудничество со всеми традиционными

конфессиями, включая нехристианские, и концептуальной мыслью РПЦ, а также массовым сознанием церковного народа, где сильны недоверие и неприязнь к религиям, не исповедующим Христа (показательную статистику по России см. [27]). Сохранение этой ситуации угрожает дестабилизировать церковь, поскольку очередная «речь перед раввинами» способна вызвать повторение смуты 1991 г. Но не найдено и способа безболезненно решить данную проблему. Перед руководством РПЦ, по сути, стоит дилемма. Оно может ради успеха своей дипломатии и торжества «общечеловеческих ценностей» пойти на серьезную модернизацию церковного Предания, погасив память о том, что «от апостолов до наших дней христиане отказываются от братания с другими религиями...» [28, с. 363]. Как следствие, будет усугублен современный кризис православной идентичности. Либо ему придется вступить в конфликт с «новым мировым порядком», который все жестче отвергает претензии на христианскую исключительность, трактуя их как проявление нетолерантности и ксенофобии.

Список литературы

1 Создана комиссия для разработки концептуального документа, излагающего позицию Русской Православной Церкви в сфере межрелигиозных отношений // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/28869.html>. – Дата доступа : 16.07.05.

2 **Митрохин, Н.** Русская православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы / Н. Митрохин. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 656 с.

3 Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев). Православное свидетельство в современном мире. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. – 416 с.

4 Послание всемирного саммита религиозных лидеров // Интернет-портал «Интерфакс-Религия» [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/28869.html>. – Дата доступа : 05.07.06.

5 Митрополит Кирилл предлагает создать межрелигиозную ассамблею при ООН // Православный информационный портал «Православие.ru» [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/news/21251.htm>. – Дата доступа : 13.03.07.

6 Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. – Брюссель, 1992. – 574 с.

7 **Бюркле, Х.** Человек в поисках Бога. Проблема нехристианских религий / Х. Бюркле. – М. : Христианская Россия, 2001. – 232 с.

8 **Осипов, А. И.** Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – М. : Издание Сретенского монастыря, 2003. – 432 с.

9 **Елопов, А. П.** Православные уроки католического Аджорнаменто / А. П. Елопов // Религия и общество – 3: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им А. А. Кулешова, 2008. – 328 с.

10 Архиепископ Марсель Лефевр. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. – СПб. : Владимир Даль, 2007. – 352 с.

11 Русская Церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии / под ред. Е. И. Душеновой. – СПб. : Царское Дело, 2001. – 320 с.

12 Документ: Пора пресечь беззаконие. Обращение клириков, монашествующих и мирян Анадырско-Чукотской епархии РПЦ МП ко всем верным чадам Святой Православной Церкви // Портал Credo.ru [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=52024&topic=499>. – Дата доступа : 22.02.07.

13 Отвечает протоиерей Максим Козлов: В мире существуют разные религии, и каждая провозглашает какую-то истину? // Православный информационный интернет-портал «Православие.ru» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.pravoslavie.ru/answers/q24.htm. – Дата доступа: 10.02.12.

14 **Чаплин, В.** О православном взгляде на нехристианские религии / В. Чаплин, протоиерей, Ю. Максимов, Д. Сафонов // Церковный вестник [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://e-vestnik.ru/church/o_pravoslavnom_vzglyade. – Дата доступа : 28.12.08.

15 Епископ Иларион (Алфеев). Таинство веры. – Клин : Христианская жизнь, 2005. – 304 с.

16 Приношение православного американца : сб. тр. отца Серафима Платинского. – М. : Российское отделение Валаамского Общества Америки, 2001. – 611 с.

17 **Диакон Андрей Кураев.** Сатанизм для интеллигенции / Диакон Андрей Кураев. – М. : Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997. – Т. 1. – 528 с.

18 Православие и религии Востока. – М. : Лепта-Пресс, 2005. – 622 с.

19 **Диакон Андрей Кураев.** Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир / Диакон Андрей Кураев. – М. : Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. – 448 с.

20 **Протоиерей Георгий Митрофанов.** Церковный геноцид в большевистской России: его истоки и их христианское осмысление / Протоиерей Георгий Митрофанов // интернет-портал «Россия в красках» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.ricolor.org/journal/wg/>. – Дата доступа : 8.02.12.

21 Речь патриарха Алексия II перед раввинами в Нью-Йорке 13 ноября 1991 года // сайт «Обличение. Информация об экуменизме и сергианстве Московской Патриархии» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.mparchiv.narod.ru/alravvin.html>. – Дата доступа : 08.02.12.

22 Обращение к Поместному Собору и всем Христианам Русской Православной Церкви (13/26 октября 2006) // сайт издательства «Русская идея» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.rusidea.org/?a=300001>. – Дата доступа : 06.02.12.

23 **Елопов, А. П.** Русская Православная Церковь и антисемитизм / А. П. Елопов // Религия и общество – 2: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им А. А. Кулешова, 2007. – 220 с.

24 **Максимов, Ю.** Религия креста и религия полумесяца. Христианство и ислам / Ю. Максимов. – М. : Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2004. – 240 с.

25 **Максимов, Ю.** Православное религиоведение: Ислам, Буддизм, Иудаизм / Ю. Максимов, К. Смоляр. – М. : Изд-во храма пророка Даниила на Кантемировской, 2005. – 304 с.

26 **Карпов, В.** Религиозная нетерпимость в современной России / В. Карпов, Е. Лисовская // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. – М.; СПб. : Летний сад, 2007. – С. 400–415.

27 **Диакон Андрей Кураев.** Вызов экуменизма / Диакон Андрей Кураев. – М. : Изд-й Совет Русской Православной Церкви, 2003 – 384 с.

УДК 008

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ – ПРЕДТЕЧА ИСИХАЗМА В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

И. Н. КОЗОРОЗ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

«Слышу голос из прекрасного далека...»

Ю. Энтин

Проходят столетия, и замолкает голос блестящих ораторов, уходит в века, растворяясь в новом многоголосье. Остается только избранное наследие, своеобразный артефакт ушедших эпох. Сокровища, доставшиеся от предков, – тот истинный монумент, на котором зиждется современная национальная культура. Древность знаний – не критерий отсталости и примитивизма, а подобно элитному вину, антикварной редкости, бесценный уникум, дающий ключ к пониманию собственного «Я», открывающий врата мудрости предков, сформировавших мировоззрение и миропонимание современного человека. Роль личности в мировой, национальной, этнической истории – вопрос дискуссионный, значимость влияния личности на процессы, происходящие в культуре – это вопрос, требующий отдельного исследования. Очевидно влияние знаковой фигуры на формирование культурного архетипа, базиса, дающего представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе, нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей. Роль Кирилла Туровского – одной из центральных фигур в древнерусской православной культуре, в современной науке – исследована поверхностно, отношение к этому вопросу со стороны ряда исследователей субъективны. Актуальность данного исследования определяется возможностью открыть новую страницу